

Фэн Цзицай

**КРОХОТНЫЕ «ЗОЛОТЫЕ ЛОТОСЫ»
(отрывок)⁶**

Рис. 1. Туфельки «Золотые лотосы» (фото автора)

Глава 4. И стар и млад блещет эрудицией

На пятнадцатый день восьмого месяца, в Праздник середины осени Гэ Сянлянь, можно сказать, впервые увидела другой мир. Мир многолик. Если бы она не вышла замуж в семью Тун, она бы и не узнала, что такой мир существует.

Все говорили, что Тун Жэньань пригласил гостей вечером полюбоваться луной – прислуга с утра пораньше стала разбрызгивать воду по двору и подметать его бамбуковыми метлами. Все двери с резными узорчатыми вставками, разделявшие внешний и внутренний двор, были распахнуты. Инкрустированные перламутром большой экран, столы, стулья, столики, подставки для цветов затянули блестящим шелком, расставили всевозможные цветы и растения. Сянлянь была в доме Тунов уже больше месяца, и за это время с какими только странностями она не столкнулась, так что она почти ничему не удивлялась. Таких цветов, птиц, насекомых и рыб, которых выращивали в семье Тун, она не то что не видела, ей о таких и слышать не доводилось.

⁶ Перевод выполнен по изданию [冯骥才2004].

Взять хотя бы хлорофитум: один кустик свесился вниз, выбрасывает вниз стрелку, на которой вырастает второй куст, а с него словно спрыгивает третий. Говорят, что один кустик – это одно поколение, и непременно нужно, чтобы от одного кустика протянулась гирлянда из еще пяти. Отцы, дети, внуки, правнуки, праправнуки – как говорится, «пять поколений в одном доме», тогда считается, что семья разрослась. Со множеством изгибов и ответвлений, свисающих листьев и разросшихся побегов, он падает каскадом с высоты больше трех метров и касается земли. Хризантемы еще великолепнее, особенно сорт «золотая печать». Золотой блеск слепит глаза, а головки цветов – квадратной формы, словно настоящая золотая печать, разве это не удивительно? Во внутреннем дворе стоял аквариум с золотыми рыбками. Аквариум был высотой в человеческий рост. Чтобы увидеть рыбок, нужно подняться на искусственную «коралловую» горку. Рыбы в аквариуме все пучеглазые, длиной в треть метра, глаза чуть не с яйцо, они плавают по кругу, но плавательный пузырь у них слишком велик, и плавучесть заставляет рыбу держать голову над водой, так что они выглядят полудохлыми – смотреть неприятно. Такие крупные и странные рыбы, что никто не поверит, если об этом рассказать...

После обеда неожиданно пришла служанка и сказала, что хозяин велел всем женщинам в доме, и невесткам, и служанкам, привести себя в порядок и ждать в комнатах. Нельзя выходить из дома, нельзя навещать друг друга, нельзя даже голову высунуть наружу. Сянянь гадала, что же это за гости они ждут, что как по тревоге поднимают всю семью и требуют причесаться, нарядиться и сидеть в почтительном ожидании. Да еще устанавливают такие необъяснимые правила.

Атмосфера в доме тут же изменилась.

Вся семья жила во дворе с тремя домами. Тун Жэньань занимал три комнаты в главном доме. Двери туда сегодня были открыты, но его и след простыл. В восточном и западном флигелях было по три комнаты. Сянянь с мужем занимали две внешние комнаты в восточном флигеле, третья комната пустовала. Третий сын Тун Шаофу уехал вместе с женой Эр Яцзюань по торговым делам в Янчжоу, они занимали эту комнату, когда приезжали на время домой, обычно она стояла закрытой. Напротив, в западном флигеле такие же две смежные комнаты принадлежали второму сыну Тун Шаохуа, его жене Бай Цзиньбао и их дочерям Юэлань и Юэгуй. В третьей комнате жила овдовевшая четвертая невестка Дун Цюжун вместе с двухлетней малышкой по имени Мэйцзы. Хотя они

жили в одном доме, для удобства внутренние двери были перегороджены, а двери наружу открыты.

Сянлянь тихонько приоткрыла окно и сквозь щелочку увидела, что двери в комнаты Бай Цзиньбао и Дун Цюжун плотно закрыты. Не было видно ни одной из служанок, которые обычно сновали по галерее, пропали даже стрекозы, бабочки и жуки, которые всегда летали по двору. Кажется, сегодня будет происходить что-то необычное. Ей вдруг пришло в голову, что вторая невестка, Бай Цзиньбао, которая обычно только весьма учтиво улыбается ей, но редко заговаривает, дважды спросила ее утром, как она причешется и какие туфли наденет, и, кажется, потрогала подошву ее туфель. Зачем она это сделала? Мысли стали вязкими, как клейстер, путались у нее в голове, но после долгого обдумывания ей в голову пришла идея.

Придя в дом мужа, она знала лишь, что войти в семью Тун она смогла благодаря маленьким ножкам. У членов этой семьи была одна странность: они не могли оторвать взгляд от чужих ног. Оглядываясь по сторонам, они задерживали взгляд только на ногах других людей. Сянлянь была неглупа и заметила бешеную зависть и ненависть в глазах Бай Цзиньбао и Дун Цюжун. Эта зависть была настолько осязаемой, что, будь их воля, они бы стерли Сянлянь в порошок! Сянлянь с детства была сильной и стойкой, она про себя решила, что еще задаст им, и сегодня вечером решила им назло всех потрясти своими «золотыми лотосами»! Пользуясь тем, что ее Дурачок⁷ отправился развлечься на птичий рынок, она быстро привела себя в порядок.

Сянлянь собрала волосы в пучок, наполовину закрыла свой выпуклый лоб прямой гладкой челкой, смотрясь в зеркало, сделала макияж. Затем она разбинтовала ноги и снова тщательно забинтовала их бабушкиным способом. Потом открыла узел, привезенный из дома, и выбрала пару изящных сапожек на мягкой подошве. Они были сшиты из алого шелка, оторочены изумрудным атласом, украшены аппликациями из лоскутков в виде пионов и бабочек: на голенищах – разноцветные пионы, а на носках – пестрые бабочки. Крылья бабочек расправлены, острые усики загнуты по сторонам. Она оделась и сделала несколько шагов, и при каждом шаге крылья бабочек трепетали, словно бабочки были живыми. Ей так это понравилось, что она влюбилась в свои маленькие ножки. Она даже слегка подтянула повыше пояс своих брюк, чтобы бабочек было всем видно.

⁷ Дурачок – прозвище Тун Шаогуна, мужа Гэ Сянлянь.

Пока она красовалась, дверь открылась, и в комнату заглянула Таоэр: «Госпожа, приведите ножки в порядок, сегодня вечером состязание ног!»

Сянлянь не поняла и собралась было спросить, что это за состязание, но Таоэр замахала рукой, останавливая ее, чтобы та не издала ни звука. От взмаха колыхнулись разноцветные шелковые нити, свисавшие у нее на груди, и она ускользнула.

Что еще за состязание ног? Сянлянь никогда такого не видела, и даже не слышала.

Когда в доме и во дворе зажгли светильники из бараньих рогов⁸, один за другим непрерывной чередой пошли гости: высокие и низкорослые, толстые и худые – каких только не было. Как только заняли свои места два антиквара из Сучжоу, пришел Тун Шаохуа в сопровождении Ню Пятого – Ню Фэнчжана, который подделывал картины. Тун Шаохуа сказал, что Ню Пятый раздобыл несколько хороших вещей, протянул их Тун Жэньаню и спросил, брать ли их для лавки. Ню Фэнчжан часто ходил по округе, собирая какие-нибудь мелкие предметы старины, сам он не мог отличить подлинные изделия от подделок, но так или иначе, он их приобретал по дешевке и перепродавал Тун Жэньаню. Тун Жэньань почти всегда покупал. Ню Пятый продавал ему по цене намного выше той, за которую купил сам, и считал, что остается в прибыли. Но и Тун Жэньань выручал за них больше, чем потратил, так что каждый из них только прикидывался простачком, норовя провести другого. На этот раз он достал две маленькие роскошные шкатулки, в одной из которых было несколько мелких монеток «муравьиный нос»⁹, а в другой – маленькая статуэтка «счастливого Будды» Яб-юм¹⁰. Тун Жэньань даже не взглянул на него; плавно отодвинув принесенное в сторону, он не сводил глаз с дверей комнаты Бай Цзиньбао, морщины на его лице постепенно разглаживались. Тун Шаохуа жил в лавке. Вырвавшись домой, он первым

⁸ Светильники из бараньих рогов 羊角灯 – традиционный фонарь, особенно характерный для юга Китая. Бараньи рога вываривают на медленном огне до почти прозрачного полужидкого состояния, затем придают желаемую форму (используют вместо стекла для изготовления абажура или пластин). Часто упоминаются в романе «Сон в Красном тереме».

⁹ Монетки «муравьиный нос» – древнекитайские бронзовые монеты, имитирующие раковины каури.

¹⁰ Яб-юм, Радостный Будда – в буддийской иконографии и скульптуре изображение божеств и будд в любовном соитии со своими супругами, символизирующий единение двух противоположных начал, мужского и женского.

делом поспешил к себе в комнату и запер дверь, предвкушая пылкую встречу с женой. Ню Фэнчжан был не слишком проницательным, он не заметил недовольства Тун Жэньяня, и продолжал подносить роскошные шкатулки к его глазам. Тун Жэньянь так рассердился, что чуть было не швырнул эти шкатулки на землю.

В дверях слышались разговоры и смех, и вошли еще три человека. Один из них был красавец, с правильными чертами лица, он держался очень непринужденно, пояс, полы и рукава его халата развевались на ветру в такт его шагам. У другого был такой вид, словно он болен чумой – в лице не было ни кровинки, острый подбородок задран вверх, он прятал глаза, будто он не знал, куда смотреть. Оба были хорошо известными местными талантами. Один занимался поэзией, другой – живописью. Первого, занимавшегося поэзией, звали Цяо Люцяо, прозвали его Цяо Шестой, для него сочинить стих – раз плюнуть. Того, кто писал картины звали Хуа Линь, был он в своем, знаменитом на весь Тяньцзинь клане Хуа седьмым по счету, потому его прозвали Хуа Седьмой. Между двумя известными мастерами втиснулся высокий худой старик.

Поскольку эти двое были знаменитостями, худого старика, будь он чуток выше их, вероятно, сразу и не заметили бы, но он-то был выше на полголовы. На нем был медово-коричневый халат с узорами цвета потемневшего золота, сверху темная атласная куртка с рядом медных петелек и пуговиц из красного агата на груди. Зрачки были иссиня-черными, белки ярко сверкали, ни малейшего следа мутного оттенка, какой обыкновенно бывает у людей в возрасте; напротив, взгляд его был цепким и острым. Прежде чем Цяо Шестой переступил порог дома, он сказал поприветствовавшему его Тун Жэньяню:

– Господин Тун, это ученый из провинции Шаньси Люй Сяньцин, он себя называет «Отшельник, Любящий лотосы»¹¹. Услышал, что сегодня у Вас тут «состязание ног», и не мог не прийти. Вчера он всю ночь напролет рассказывал мне про бинтованные ножки, у меня просто голова кругом пошла! Я с таким интересом его слушал, сегодня тоже хочу насладиться этим зрелищем!

¹¹ Литературные псевдонимы, включающие в себя *цзюйши* 居士 («ученый на покое», затворник, отшельник, анахорет), часты среди авторов средневековых сборников *бицзи*, поэтов и художников (например, прозвище поэтессы Ли Цинчжао 李清照 – Затворница покоя 易安居士). Т.е. автор иронизирует над пафосностью и архаичностью прозвища, тем более неуместного, что оно (Отшельник, Любящий лотосы 爱莲居士) созвучно прозвищу величайшего поэта Китая Ли Бо 李白 – Отшельник Синего лотоса 青莲居士.

Услышав эти слова, Тун Жэньань тут же переместил взгляд с дверей второй невестки Бай Цзиньбао на высокого и худого старика. Как только все расселись по своим местам, Люй Сяньцин сказал:

– У нас в Датуне каждый год восьмого числа четвертого месяца проводят большое состязание «золотых лотосов», это невероятно великолепное зрелище. Не ожидал, что и в столичной области есть такое изысканное состязание. Не смог удержаться, чтобы не прийти и не насладиться этим зрелищем. Надеюсь, господин Тун не сочтет это за странность!

– Что вы! Встретить родственную душу – такой счастливый случай. Я давно слышал, что у Вас, уважаемый Отшельник, необычайно глубокие познания о «золотых лотосах». В состязаниях, которые проводит моя семья, участвует вся женская половина дома – женщины сравнивают себя друг с другом и одновременно учатся друг у друга во всем, что касается «золотых лотосов». Все приглашенные – истинные «лотосоманы», поэтому я рассчитываю на то, что Вы, Отшельник, дадите нам много советов. Вы только что упомянули состязание ног в Ваших родных краях. Я давно им восхищаюсь, хотя мне не доводилось его лицезреть. Это ведь «Датунское проветривание ног»?

– Именно так. Состязание ног также называется соревнованием по проветриванию ног.

Брови Тун Жэньаня радостно изогнулись, и он спросил:

– Что ж, расскажите о том, как это выглядит.

Тун Жэньань так разволновался, что у него пересохло во рту, но он забыл приказать подать чай. Люй Сяньцин тоже не обратил на внимания на отсутствие напитка, полагавшегося по этикету. Как только разговор зашел на любимую тему, он возбужденно заговорил:

– Мой родной захолустный Датун в древности назывался Юньчжун (букв. «В облаках»). Есть старая поговорка: «Река Хорен-гол¹² прекрасна, и рождает прелестных девушек». У наших девушек не только белая и нежная кожа, они ценятся за искусно забинтованные ноги. Каждый год на восьмой день четвертого месяца женщины по всему городу сидят перед своими домами, подняв ноги кверху, чтобы ими могли полюбоваться все проходящие мимо. Случается, что толпе приглянутся ноги какой-нибудь бедняжки из захудалой семьи, и тогда ее социальный статус возрастает во сто крат...

– Женщины всего города? Какая грандиозная картина! – воскликнул Тун Жэньань.

¹² Река Хорен-гол – река на северо-востоке Китая, берет начало на хребте Большой Хинган.

– Действительно, действительно. Можно насчитать самое меньшее 80–100 тысяч пар ног, и к тому же всех видов. Можно увидеть удивительные, чудесные, прекрасные, уродливые и странные. Вот почему говорят «каких только чудес не бывает на свете»...

– Чего только не бывает в мире! Жаль, что ни один из моих сыновей не добился успеха. В мои-то годы я целыми днями привязан к магазину. Раз я не могу увидеть своими глазами «проветривание ног», считай, жил напрасно! – Тун Жэньань некоторое время повздыхал, а затем с интересом спросил: – Я слышал, что во время «Датунского проветривания ног» посетители могут подойти, пощупать ножки и поиграть с ними по своему желанию?

Тут в разговор вступил Цяо Шестой:

– Господин Тун всегда отличался обширной эрудицией, но на сей раз он осрамился. Я вчера спросил об этом Отшельника, и он сказал, что во время «проветривания ног» правила очень строгие – можно только смотреть, но трогать нельзя. Тому, кто дотронется, наденут мешок на голову и всей толпой будут его лупить. Забьют до смерти!

Все расхохотались.

Цяо Шестой был человеком легкомысленным, говорил, что взбредет в голову, ничуть не заботясь о репутации Тун Жэньяня. Люй Сяньцин самодовольно улыбнулся. А как же повел себя Тун Жэньань? Да никак! Притворился, что не понял, но тут же сменил тон: он больше не просил почтительно наставлений, а вместо этого решил провести экзамен:

– Отшельник, Вы только что сказали о самых красивых «лотосах», каковы они? Давайте поговорим об этом.

– Существует семь правил, как в каллиграфии: совершенные, тонкие, изогнутые, маленькие, мягкие, правильные и ароматные, – произнес Люй Сяньцин, всем своим видом говоря: «ты даже этого не знаешь».

– Всего семь?

Худой старик был весьма прозорлив, и когда он услышал, что Тун Жэньань изменил тональность беседы, он сказал:

– Разве этого недостаточно? Тут ни слова не прибавить! Ножки должны быть острые – но не как игла, тонкие – но не тощие, изогнутые словно месяц, маленькие и подвижные, мягкие, как дым, правильные и устойчивые, и ароматные, то есть пьянящие. Разве легко такого достичь?!

Он улыбался Тун Жэньаню, а слова выскакивали из его рта словно горошины, подпрыгивающие на сковороде во время жарки. Все были ошеломлены.

Конечно, Тун Жэньань смекнул, что собеседник решил блеснуть своей эрудицией и померяться с ним силами. Не изменившись в лице, он сказал с важным видом: «Придать форму легко, достичь совершенства – вот что трудно».

Люй Сяньцин недоуменно заморгал, он не понял слов Тун Жэньаня. Решив, что у того ограниченные познания, не выдержал и решил пойти на хитрость. Ему не терпелось вытащить еще какой-нибудь козырь и нанести этим тьянцзиньцам смертельный удар, поэтому он решился на неподобающую речь:

– Я слышал, что маленькие ножки вашей старшей невестки славятся непревзойденной красотой. Кажется, ее зовут Сянлянь – Благоухающий лотос? Это ее взрослое или «молочное» имя? Восхитительно! Или же нет? Да, в древние времена маленькие ножки звали «цзинь лян» – «золотые лотосы». Замена слова «золотой» на «благоухающий» звучит приятнее на слух, но как же это скверно! Не знаю, доводилось ли Вам исследовать вопрос о происхождении «золотых лотосов»? Говорят, что у последнего правителя Южной Тан была дворцовая наложница Сян-нян, которая была красива и чудесно танцевала. Правитель приказал сделать золотую платформу в форме цветка лотоса, инкрустированную жемчугом и драгоценными камнями, и велел Сян-нян танцевать на золотой платформе в виде лотоса, обернув ноги в шелк. С самого начала женщины во дворце и за его пределами бинтовали свои ступни шелком для красоты, благородства, элегантности и изыска, и постепенно это стало популярным, поэтому забинтованные шелком ступни стали называть «золотые лотосы». Но еще говорят, что правитель государства Ци Дунхунь-хоу приказал дворцовым служащим вырезать из золотой фольги цветок лотоса и прикрепить его к полу, а наложнице Пань-фэй приказал шаг за шагом ходить по нему, она была так обворожительна, что говорили «каждый шаг рождает лотос». И женщины стали называть свои стопы «золотыми лотосами». В какую версию верите вы? Я верю в первую, все говорят, что Сян-нян бинтовала ноги шелковой тканью, но никто не говорил, что наложница Пань-фэй бинтовала ноги. А если ноги не бинтовать, они не считаются «золотыми лотосами»!

Пока Люй Сяньцин разливался соловьем, стояла такая тишина, словно в комнате никого не было. Этим людям просто нравились маленькие ножки, они не ожидали, что кто-то придавит их к земле грузом своей эрудиции.

Слушая гостя, Тун Жэньань держал в руках свой особый разноцветный заварочный чайник, потягивая чай прямо из носика и причмокивая

с удовольствием. Все думали, что он тоже восхищается Люй Сяньцином, а он просто дожидался, пока этот «любящий лотосы отшельник» заткнется, и наступит его черед:

– Что до истории, это дела прошлые. Никто никогда этого не видел. У кого есть доказательства, тот и прав. Обычно говорят, что бинтование ног началось с Сян-нян. Но кто осмелится утверждать, что в эпоху Тан женщины точно не бинтовали ноги? В книге И Шичжэня «Записи из Божественной библиотеки»¹³ говорится, что, когда Драгоценная наложница Ян получила высочайшее повеление Танского императора Мин-хуана совершить самоубийство в Мавэйпо, женщина по имени Юй Фэй подобрала пару «туфелек с воробыными головками» на тонкой подошве из сандалового дерева длиной всего три с половиной вершка. Это не единичное свидетельство. В стихотворении Сюй Юнли¹⁴ «Воспеваю чудесный танец наложницы Ян» есть такие строки:

Кружится в пьянящем танце «Из радуги яркий наряд»,
Все тело покрылось ароматным потом, обессилела в тонкой одежде,
Легко ступает маленькими изогнутыми тремя вершками,
Покорил государство этот прелестный цветок.

Ножки длиной три вершка не могут быть большими ногами. Очевидно, *гуйфэй* бинтовала ноги еще до Сян-нян. Раз уж заговорили о том, что ноги бинтовали уже в эпоху Тан, напомним, что у Ду Му есть такие строки:

Мерная линейка в 1 чи¹⁵, инкрустированная золотом, уменьшена на четверть,
Нежные «яшмовые ростки»¹⁶ обернуты легкими облаками.

¹³ И Шичжэнь 伊世珍 жил в эпоху Юань. Есть версия, что «Записи из Божественной библиотеки / Хранилища редких книг царя небес» 琅嬛记 (3 цз.) – позднейшая подделка, выполненная Сан И 桑怿 в эпоху Мин. Содержит много мифов, легенд, преданий и абсурдных историй, поэтому ее сравнивают с «Каноном гор и морей» 山海经. Относится к жанру *чжигуай сяошо* 志怪小说 («рассказы о чудесах / об удивительном»).

¹⁴ Тун Жэньань водит за нос собеседника. Такого произведения нет, и поэта с именем Сюй Юнли 徐用理, судя по корпусу китайской поэзии 诗词检索, не существовало. В эпоху Мин существовал военачальник с похожим именем Сюй Юн 徐用 (?–1398). История любви императора Сюань-цзуна (Мин-хуана) и его прекрасной наложницы Ян-гуйфэй («драгоценной наложницы» Ян) обросла таким количеством легенд и сюжетов, что собеседник вполне мог принять это за правду.

¹⁵ 1 чи – мера длины, равная $\frac{1}{3}$ метра, китайский фут; также – мерная линейка.

¹⁶ «Яшмовые ростки» 玉笋 – образное название а) пальчиков красавицы; б) бинтованных женских ножек.

Один *чи* минус четверть, сколько останется?

– Господин Тун, не забывайте, что это танская линейка, меры длины в ту эпоху отличались от сегодняшних! – Люй Сяньцин ждал промаха со стороны собеседника, и закричал, как только заметил его.

– Не волнуйтесь, этот вопрос я исследовал. В эпоху Тан разве могли пользоваться не танской линейкой? Один *чи*¹⁷ в ту пору был равен сегодняшним одному сучжоускому *чи* и восьми *цуням*, а сучжоуский *чи*, в свою очередь, был больше «строительного *чи*»¹⁸ на *цунь*. В стихотворении говорится, что один *чи* уменьшен на четверть – это шесть *цуней* эпохи Тан, что эквивалентно 4,8 *цуням* сучжоуской линейки и 4,3 *цуням* нынешней. Если ноги не бинтовать, как они могут быть 4,3 *цуня*? Ответьте.

Люй Сяньцин какое-то время был не в состоянии что-либо сказать, вытаращил глаза и открыл рот.

Цяо Шестой восторженно захлопал в ладоши и закричал:

– Так-то! Похоже, и у нас в Тяньцзине есть способные люди, нечего все время снизу вверх смотреть на приезжих!

Все изумленно перевели взгляд с шаньсийца на Тун Жэньяня.

Но Люй Сяньцин тоже был не лыком шит. Все способные люди честолюбивы, в два счета не переплюнешь, он уже оправился от удивления. Слова его так рвались наружу, что он аж подбородок задрал кверху:

– Слова господина Туна звучат разумно. Но основываться на двух стихотворениях в качестве доказательства все-таки недостаточно. В сочинении «Лес высказываний эпохи Тан»¹⁹ говорится, что во времена Тан жены ученых мужей носили халаты и сапоги своих мужей. Очевидно, что они не бинтовали ноги.

– Это правда. Но я не утверждал, что в эпоху Тан все женщины бинтовали ноги, я сказал, что бинтование ног уже существовало. Было такое или нет – это один вопрос, а все бинтовали или не все – это другой вопрос. Вы, Отшельник, обсуждали, с какой эпохи началось бинтование ног, а не с какой оно прочно вошло в обиход, не так ли? Давайте сначала определимся с предметом спора, иначе вы будете говорить о востоке, а я – о западе, отойдем от темы и ничего не проясним. Кроме того, если брать за основу поэзию эпохи Тан, то я опираюсь далеко не на пару

¹⁷ В эпоху Тан были приняты 4 меры длины: *чжан*, *чи*, *цунь* и *фэнь*. Длина 1 *чи* при Тан колебалась от 29,5 до 31,5 см.

¹⁸ Строительный фут/чи 营造尺 – государственная мера длины в эпохи Мин и Цин, равен 32 см.

¹⁹ Сборник «Лес высказываний эпохи Тан» 唐语林, составитель Ван Дан 王谔 (1050? – 1110?).

строф. У Бо Лэтяня есть строка: «Остроносые туфли, тесная одежда», и у Цзяо Чжунцина также есть фраза: «Легко ступаю на цыпочках в алых шелковых туфлях с изящными, тонкими носками». Это все о женщинах эпохи Тан, которые носят обувь с острыми носками. Согласно танскому этикету, идти надо небыстро, быстрый шаг – нарушение этикета. Если ноги обернуть тканью, которая ограничивает движение, это, естественно, замедлит шаг. Что касается того, как бинтовали? Каким способом? Насколько туго? Это совсем другой вопрос.

– Как расширился нынче мой кругозор! Господин Тун из Тяньцзиня четко определил, что бинтовать ноги начали в эпоху Тан. – В словах Люй Сяньцина сквозил сарказм, но какое-то время он все равно не мог скрыть своего смущения. Очевидно, что «крыть» ему было нечем, и своей ученостью он никого тут не превзошел.

Тун Жэньань спокойно улыбнулся и продолжил как ни в чем не бывало:

– Что касается времени зарождения обычая бинтования ног, то я подозреваю, что эпоха Тан – это поздно. В «Чжоуских ритуалах»²⁰ говорится о *цзюйжэнях* – чиновниках, ведавших обувью государя и его супруги. Там упоминается обувь всех видов и сортов: алые и черные *си* – обувь на толстой многослойной деревянной подошве; окантовочная тесьма из алого шелка для украшения *си*, окантовочная тесьма из желтого шелка для украшения *си*, украшение из синего шелка на носок обуви, повседневная обувь, летняя плетеная обувь из пуэрарии²¹. Когда такое внимание уделяется обуви, внимание уделяется и ногам. В эпоху Хань женщины предпочитали обувь с острым носом. Судя по изображениям

²⁰ «Чжоу ли» 周礼 («Чжоуские ритуалы» / «Установления династии Чжоу») – один из ранних исторических памятников, входящий в конфуцианское «Тринадцатикнижие» 十三经. Он посвящен описанию идеализированного устройства государства при династии Чжоу и содержит большое количество сведений о политике, праве, экономике, культах и т.д. Относительно времени создания «Чжоу ли» нет единого мнения: называют XI в. до н.э., 1-ю или 2-ю пол. 1-го тысячелетия до н.э., III в. до н.э. Существует также мнение, что «Чжоу ли» подделан на рубеже новой эры, и описанные в нем реалии скорректированы в русле конфуцианских установок II–I вв. до н.э. Пер. (частично) см.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли): Разд. 1. Небесные чиновники. Цз. 2 / пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. С. Кучеры; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2017. (Памятники письменности Востока).

²¹ Дословно: обувь из пуэрарии волосистой 葛 (*Pueraria hirsuta* Schneid) – текстильного и лекарственного растения, выращиваемого в Восточной и Южной Азии, а также в Средиземноморье.

на плитах усыпальницы Улянцы²², у обуви матери Лао Лай-цзы²³ и жены Цзэн-цзы²⁴ были острые носы. В разделе «Повествование о приумножении богатства» «Исторических записок» говорится: «Нынешние девицы из Чжао и красавицы из Чжэн приукрашивают себя, играют на цине, взмахивают длинными рукавами одежды и притоптывают остроносые туфельками...»²⁵. «Остроносые туфельки» для танцев, о которых там идет речь, и есть обувь с острым носом. В разделе «Географическое обозрение» «Истории Хань» есть очень важное наблюдение: «Женщины из Чжао играют на лютне, притоптывают соломенными сандалиями *си*». В старинных примечаниях к каноническим книгам сказано, что «соломенные сандалии *си*» то же самое, что шлепанцы *си* – то есть обувь без каблука и без задников, а «притоптывать» – значит, тихонько топтаться на месте. С этой точки зрения, женщины эпохи Хань были прекрасны в остроносых туфлях, с легкой походкой и изящной осанкой. Естественно, для этого над ножками приходилось работать, они должны были быть маленькими.

В книге историка Ши Ю «Быстрый успех»²⁶ есть фраза: «сапоги из сыромятной кожи, туфли из тонкой кожи, обувь с загнутым вверх носом, коричневые носки, ткань...». Не знаю, обратили ли вы внимание на примечание ниже. Так вот, в примечании говорится: «обувь из мягкой кожи с глубоким и заостренным мысом, на плоской подошве, в народе называют сапоги; туфли из тонкой кожи, ткань – для бинтования ног. Нужно ли что-то объяснять после этих слов? Вам бы еще послушать, у меня

²² Улянцы 武梁祠 – усыпальница семьи У (между 147 и 167 н.э., провинция Шаньдун), комплекс из четырех храмов, известный рельефами на каменных плитах. Собрание называется условно Улянцы (по имени одного из захороненных, У Ляна). Пять плит храма У Ляна (151 г.) насыщены изображениями разнообразных сюжетов из истории, мифологии и эпизодов из жизни усопшего.

²³ Лао Лай-цзы 老莱子 вошел в китайскую культуру как образец сыновней почтительности.

²⁴ Цзэн-цзы 曾子 – философ и один из любимых учеников Конфуция.

²⁵ «Нынешние девицы из Чжао и красавицы из Чжэн приукрашивают себя, играют на цине, взмахивают длинными рукавами одежды и притоптывают остроносые туфельками, кокетничают, готовы отправиться за тысячу ли, не разбираясь, ради старого или молодого, – [всё это] ради погони за богатым [покровителем]». См. Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: [В 9 т.]: Т. 9 / пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина; вступ. ст. А.Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2010. С. 306. (Памятники письменности Востока).

²⁶ Ши Ю 史游 (I в. до н.э.) – автор книги «Быстрый успех» 急就章, представляющей список иероглифов для заучивания наизусть при обучении грамоте.

еще много примеров, да боюсь, что это займет много времени у почтенной публики, так что не стоит. Если собрать воедино все разрозненные сведения, которые содержатся в этих книгах, и все тщательно обдумать, нельзя с уверенностью утверждать, что бинтование ног началось в эпоху Тан! Часто говорят, что история мертва, но я считаю, что она жива. Те, кто говорит, что история мертва, ждут, что другие перевернут все с ног на голову!

Люй Сяньцина словно окатили ледяной водой, а затем прижали к самой кромке колодца. Он отнюдь не был глупцом и, застыв в оцепенении, осознавал: на сей раз не он одержал верх. Цяо Шестой завопил еще восторженнее:

– Хватит, хватит! Сегодня я наконец понял, что без фундаментальных знаний наслаждаться маленькими ножками – чистейшая глупость!

Ню Фэнчжан втянул голову в плечи и сказал:

– Вы говорите так, что мне самому захотелось бинтовать ноги!

От оглушительного хохота едва не обрушился потолок. Ню Фэнчжана трудно назвать большим интеллектуалом. Он сам себя считал человеком низким, и время от времени самоуничижался, чтобы опередить желающих унижить его.

Но сегодня все было иначе. Тун Жэньань вошел в азарт, и вся его ученость рвалась наружу. Он уловил то, что хотел сказать Ню Фэнчжан и с улыбкой ответил:

– Ню Пятый, ты поосторожнее с желаниями. Во времена Мин был мужчина, который бинтовал ноги, наряжался в женское платье и смешивался с толпой женщин, чтобы воспользоваться, так сказать, «благоприятным случаем». Когда все вскрылось, он провел в тюрьме несколько лет. Когда его выпустили, все его поносили, ему было ни спрятаться, ни скрыться. Все его узнавали.

– Почему? – спросил Ню Фэнчжан, прищурившись.

– Если ножки стали маленькими, разве их можно снова увеличить? – сказал Тун Жэньань.

Все снова расхохотались. Ню Фэнчжан затопал ногами и закричал:

– Тогда я не буду бинтовать! Не буду бинтовать!

Он так натурально прикидывался дурачком, что всех это веселило.

Художник взмахнул своей белой рукой с тонкими пальцами и сказал:

– Да нет, по забинтованным ногам Ню Пятого точно никто не опознает... – Он многозначительно оборвал фразу на середине, дождался, пока спросят, почему, и только тогда продолжил: – Ню Пятый подделывает

картины так, что их от подлинных не отличить; если он забинтует себе ноги, их точно никто не отличит!

При этом он не смотрел ни на Нью Фэнчжана, ни на Тун Жэньяня – казалось, он смотрит на потолок.

Это прозвучало с явной насмешкой. Скажи это кто-то другой, еще куда ни шло, но с Хуа Линем они занимались одним ремеслом – писали картины, а коллегам такое не говорят, даже будучи не в ладах. Нью Фэнчжан закатил глаза и тут же бросил в ответ:

– Мои подделки могут обмануть разве что Вас, Хуа Седьмой, но глаза господина Туна они не обманут. Так ведь? Верно, а? Хи-хи!

Этимися словами Нью Фэнчжан не только польстил Тун Жэньяню, но и оскорбил Хуа Линя, так что он был доволен и горд собой. Хуа Линь считал себя высоко нравственным человеком, но высоко нравственный человек не режет правду в лицо из боязни оскорбить другого, наоборот, скорее сам стерпит обиду. Лицо его побледнело.

Цяо Шестой вступился за друга:

– Нью Пятый, тебе лучше закрыть рот и послушать внимательно! Разве ты не видел, как дядюшка Тун и господин Отшельник блистали ученостью. Да приди сегодня У Даоцзы²⁷ и Ли Гунлинь²⁸, я и их бы прогнал прочь. Все собрались здесь ради маленьких ножек!

Нью Фэнчжан тут же прикрыл рот рукой и замычал как бык²⁹:

– Просим господина Туна поделиться своими обширными знаниями!

Тун Жэньянь был несказанно рад, что одержал верх над Люй Сяньцином. Но он не выказывал ни малейшей гордости, не дал волю примитивным эмоциям, а напротив, принял еще более глубокомысленный вид. Он подумал про себя, что должен сделать шаг назад. Как говорили в древности, хозяин не обижают гостей, достигший цели проявляет снисхождение, это называется великодушием. Не глядя на Нью Фэнчжана, он поставил чайник и сказал с доброжелательным выражением лица:

– Да какие там обширные знания? Так, праздная беседа и сплетни. Много в мире такого, что словами не объяснишь и суть не поймешь, каждый прав по-своему. Люди говорят, что в каждом случае истина одна,

²⁷ У Даоцзы 吴道子 (680–740) – китайский художник-пейзажист эпохи Тан. Китайская традиция причисляет У Даоцзы к четырем отцам-основателям китайской живописи.

²⁸ Ли Гунлинь 李公麟 (1049–1106) – китайский художник эпохи Сун. Прозвища – Лунмянь шаньжэнь 龙眠山人, Лунмянь цзюйши 龙眠居士, букв. Отшельник с [гор] Спящего Дракона. Прославился своими изображениями лошадей.

²⁹ Игра слов. Фамилия «Нью» 牛 означает «бык», «корова».

а я считаю, что во всяком деле истины две. Когда каждый живет согласно своей истине, в Поднебесной царит мир и спокойствие, а когда все начинают спорить, что есть истина, Поднебесная приходит в волнение. Древние любили заниматься поисками правды и выяснять, что первично – курица или яйцо. Какая разница, кто кого родил! Если есть курица, чтобы съесть, и есть яйцо, чтобы съесть, то какая разница, ты ешь курицу, а я съем яйцо, или ты съешь яйцо, а я съем курицу; или же ты съешь и яйцо, и курицу, и я съем и яйцо, и курицу – разве мы оба не будем сыты? Чего ради спорить, что было первым – яйцо или курица? Отшельник! Давайте сейчас же покончим со всей этой пустой болтовней и не будем откладывать настоящее дело в долгий ящик. Я скоро покажу вам состязание ног и послушаю, какие практические замечания вы сделаете, глядя на маленькие ножки. Это и будет расширение кругозора. Согласны?

– Конечно! Отлично!

Только что сердце Люй Сяньцина еще сжималось, и тут его отпустило. Он был прижат Тун Жэньанем к краю колодца – ни туда, ни сюда. Уже и не ждал, что старик даст ему возможность почетного отступления. Он подумал про себя: Тяньцзинь зародился как портовый город, а портовый люд лихого нрава. Ну что ж, мы еще посмотрим, кто кого. Представится случай, снова вступим в схватку!

Глава 5. Поражение в состязании «золотых лотосов»

Объявление о начале состязания «золотых лотосов» было встречено криками ликования. Кто-то придвинул свой стул поближе, кто-то потерял веки, а кто-то, теряя самообладание, вскочил на ноги – гости сгорали от нетерпения. Тут только они вдруг заметили немолодую смуглую женщину, стоявшую на крыльце за воротами, на которую до сих пор никто не обращал внимания. Она была старой, но что-то в ее внешности притягивало взгляд. Волосы были уложены на сучжоуский манер в форме «копыта» с подвесками, гладкие блестящие завитки подняты кверху и покрыты черным шелком, в волосах два цветка жасмина и полураспустившийся розовый бутон. Хотя одета она была в простые черные штаны и куртку, широкая кайма по краю куртки была изящной работы, на груди повязан белоснежный платок, а маленькие ножки забинтованы туго, словно пара иссиня-черных треугольников *цзунцзы*. На обуви не было ни малейших украшений, но она почему-то притягивала внимание.

Люй Сяньцин тихо спросил у Цяо Шестого:

– Кто это?

Тот ответил:

– Она прислуживала жене господина Туна. А когда та скончалась, осталась жить в семье. Раньше ее звали тетушка Пань, теперь – нянька Пань. Как Вы находите ее маленькие черные ножки? Высокой пробы, не так ли?

– Редкой красоты! А мастерство в бинтовании ног, насколько я вижу, еще лучше. Ваш господин Тун тонкий ценитель, не так ли?

Цяо Шестой покосился на Тун Жэньяня, подошел вплотную и, понизив голос, сказал:

– Почти такой же, как Вы, – и добавил: – Она такая страшная на лицо, никто не станет с ней путаться.

– Тут вы не правы, Шестой господин! Когда ножки красивые, на лицо не смотрят, красивые ножки важнее лица. Кто может быть идеальным с головы до ног?!

Оба засмеялись.

Тун Жэньянь сказал няньке Пань: «Если готовы, начинайте!»

Все ждали, что женщины из семьи Тун выйдут одна за другой, чтобы блеснуть своими «золотыми лотосами». Но у Тун Жэньяня на этот счет был свой сценарий. Они услышали, как створки ворот с грохотом распахнулись, и перед их взором предстал внутренний двор семьи Тун с тремя флигелями, обычно закрытый для внешнего мира. Двор украшали цветы и деревья, декоративные горки из камней, резные балюстрады, качели, декорированное возвышение колодца, фарфоровые табуреты – все это сияло в свете луны в Праздник середины осени, а земля блестела, словно ртутное зеркало. Но никто из присутствующих не поднимал взор на луну, их глаза рыскали в поисках маленьких ножек. Они увидели, что вдоль длинной открытой галереи вокруг дома тянулись светильники, каждый из которых располагался перед закрытой дверью. Нянька Пань, повернувшись спиной, хрипло объявила: «Состязание начинается!»

Вновь раздался грохот, двери каждого из флигелей распахнулись, но дверные проемы закрывали расшитые цветами занавески, к которым были прикреплены листы красной бумаги с выведенными тушью цифрами: 1, 2, 3, 4, 5, 6. Ровно столько, сколько дверей.

Все тут же заметили, что под каждой занавеской был оставлен не-большой кусочек пространства, в котором виднелась пара маленьких

ножек. Каждая пара туфелек-лотосов была украшена по-своему: алые, пурпурные, желтые, фиолетовые, расшитые золотом, отороченные серебром, с вытканными цветами и вышитыми листьями, с подвесками из жемчуга и носиками с перьями зимородка — коллекция невиданных драгоценностей. Доведись небожителям спуститься с небес на землю и увидеть эту картину, и они бы разинули рот от удивления. Нянька Пань, только что стоявшая в галерее, исчезла, как сквозь землю провалилась — вылитый Ту Синсунь³⁰.

Один только Люй Сяньцин заметил, что нянька Пань, хотя и была старой и грузной, но шла так плавно, словно неслась по волнам, и ноги ее были на редкость выносливыми. Он отметил это про себя, но ничего не сказал.

Тун Жэньань пояснил Люй Сяньцину:

— Господин Отшельник, несколько состязаний в нашей семье проводились при жизни моей покойной жены. Она и придумала такой способ. Поскольку среди гостей, приглашенных оценивать ножки, есть хорошие знакомые и люди посторонние, знакомым открыто критиковать неудобно, это мешает беспристрастной оценке. Посторонним еще труднее высказывать свое мнение о том, что красиво, а что нет, к тому же мои невестки смущаются, так что приходится прятать их лица за занавесками. Не удивляйтесь.

— Это хорошо, это хорошо! В моем презренном Датуне во время народного «состязания ног» гости специально приезжают полюбоваться издалека, никто никого не знает. А у вас все женщины вашего дома, так что это самый лучший способ. Иначе нам действительно будет трудно все разобрать, как говорится, по косточкам.

Тун Жэньань кивнул и обратился ко всем:

— Позавчера Цяо Шестому пришла в голову идея написать номер на каждой занавеске. Когда вы посмотрите и оцените, какие ножки красивые, а какие нет, запомните номер и возвращайтесь в зал. В зале лежат листы бумаги, напишите каждый свое имя и фамилию, потом запишите «первое место», «второе место», «третье место». В зависимости от своей оценки проставьте напротив номера участниц. Та, которую большинство

³⁰ Ту Синсунь 土行孙 – персонаж романа XVI в. «Возвышение в ранг духов» 封神演义, способный передвигаться с высокой скоростью. Фабула романа представляет собой фантастический ракурс изложения истории свержения беспощадного правителя Чжоу Синя эпохи Шан чжоуским правителем У-ваном в 1122 г. до н.э. В 2023 г. в мировой прокат вышла первая часть китайской эпической трилогии «Возвышение в ранг духов» под названием «Королевство штормов».

поставит на первое место, будет победительницей, остальные ранжируются по порядку. Все понятно? Можем ли мы начинать состязание?

– Предельно ясно! Лучше и быть не может! И просто, и свежо, и интересно. Цяо Шестой поистине талант. Чтобы подавать идеи тоже нужен талант! Давайте скорей начинать! – Люй Сяньцин уже вошел в раж и находился в таком возбуждении, что сорвался на крик.

Остальные тоже одобрили идею и галдели наперебой, требуя начала состязания. Тун Жэньань повел группу гостей по галерее с востока на запад, они останавливались перед каждой занавеской, чтобы понаблюдать, обдумать и обсудить, и волей-неволей они устроили переполох и подняли шум.

Гэ Сянянь сидела у двери. Сквозь просвечивающую ткань она могла разглядеть силуэты мужчин. Кто-то был высокого роста, а кто-то низкого, кто-то плотной комплекции, а кто-то худощавый. Кого-то она узнала, кого-то нет, в царившей неразберихе она не могла определить, кто есть кто, но она видела, что они столпились у ее ног, и слышала возгласы одобрения.

– Существой даже не семь, а «семьдесят правил», эти ножки соответствуют всем. Я полагаю, это старшая невестка в семье Тун, верно?

– Отшельник, вы только что сказали, что в «семи правилах» есть критерий «ароматные»³¹, а теперь вы говорите о «семидесяти правилах». Наверняка среди них есть критерий «аромата». Интересно, откуда вы взяли этот критерий?

– Цяо Шестой, мы люди культуры, любящие лотосы, не можем погрешить против приличий. В богатом семействе что не ароматно? Только слово «аромат» нужно осознать работой души.

– Господин Тун, только что говорили, что во время состязания ног разрешено лишь смотреть, а трогать ножки нельзя. Но ведь нюхать-то, наверное, можно! А? Ха-ха-ха!

Сянянь увидела, что за занавеской кто-то склонился. Сердце ее сжалось, она хотела отдернуть ноги, но увидела рядом с этим человеком еще одну тень: кто-то низкий и толстый оттащил этого человека в сторону и, хихикая, произнес:

– Цяо Шестой, раз уж речь зашла об «аромате», у нас в Сучжоу начальник префектуры тоже питает пристрастие к лотосам, он мне спел однажды народную песенку. Я ее выучил, и спою вам:

³¹ Игра слов. Имя Сянянь 香蓮 значит «Ароматный лотос» или «Благоухающий лотос».

Прекрасная дева в спальне бинтует «золотые лотосы»,
Муж радостно расхаживает по комнате.
О, жена, твои золотые лотосы такие маленькие,
Они подобны рубленным зимним росткам бамбука,
Они словно треугольные *цзунцзы* в пятом месяце,
Как ароматны и как сладки.
Благоухают как бергамот в середине шестого месяца,
Их кончики так изящны.
Красавица, услышав это, покраснела.
Сластолюбец, какой же ты презренный,
Сегодня ночью ляжем с тобой валетом,
Маленькие золотые лотосы будут у твоих уст,
Расскажешь, как они ароматны и как сладки,
Ты еще отведаешь моих рубленных ростков бамбука!

У этого человека было сучжоуское произношение, и в его исполнении было непонятно, то ли это песня, то ли речитатив. Когда он умолк, кто-то засмеялся, кто-то захлопал в ладоши, кто-то сказал, что это неприлично, а кто-то стал подшучивать над Цяо Шестым. Но от дверей Сянлянь они отошли.

Внезапно чей-то знакомый голос крикнул:

– Прошу всех продолжать оценивать, самое хорошее еще впереди!

Повинуясь просьбе, группа ценителей маленьких ножек послушно пошла по западному крылу галереи, продолжая переговариваться между собой, однако разговор был уже не такими оживленным, как перед ее дверями. Вдруг снова стало шумно, будто на сковороду с раскаленным маслом плеснули воды. Кто-то сказал:

– Просто не могу определиться, какая из них ваша старшая невестка!

И вновь тот же знакомый голос:

– Чьи ножки лучше, та и есть. Если лучше эти, значит, это она!

Сянлянь вдруг осознала, что это голос ее деверя, Тун Шаохуа. У нее возникло смутное предчувствие, будто что-то неладно, даже ладошки вспотели. Ей было слышно, как люди разговаривали, смеялись, затем вернулись в зал и увлеченно комментируя, проставляли номера. Прошло довольно много времени, и Тун Шаохуа нараспев объявил результаты голосования:

– Цяо Шестой: 1 место – номер 1, 2 место – номер 2, 3 место – номер 6.
Господин Люй: 1 место – номер 1, 2 место – номер 2, 3 место – номер 4.
Хуа Седьмой: 1 место – номер 2, 2 место – номер 1, 3 место – номер 4. Ню

Пятый: 1 место – номер 1, 2 место – номер 2, 3 место – номер 3. Хозяин лавки Бай из Сучжоу: 1 место – номер 2, 2 место – номер 1, 3 место – номер 4. Хозяин лавки Цю из Сучжоу: 1 место – номер 1, 2 место – номер 2, 3 место – номер 5... Если подвести итоги, больше всего голосов в пользу первого места получил номер 1, это победитель; следом идет номер 2, это второе место, на третьем месте номер 4.

Гэ Сянлянь очень обрадовалась, за занавеской на двери стало светлее. Она вновь услышала крик Тун Шаохуа:

– Нянька Пань, снимите занавески, прошу вас, юные барышни, познакомьтесь со всеми гостями!

Стало еще ярче, и огни десятков светильников на миг ослепили Сянлянь, но она увидела перед собой великолепно освещенный зал, полный гостей, а у дверей каждой комнаты сидела участница состязания.

Тун Шаохуа был возбужден, как конь, которого трижды хлестнули плетью, его лоснящееся от жира лицо и глаза навывкате сегодня сияли особенно ярко. Стоя у входа в зал с киноварно-красным листом бумаги, на котором золотом были написаны имена, он громко крикнул:

– Номер 1 – Бай Цзиньбао, моя жена! Подойди, поблагодари всех господ! Номер 2 – Гэ Сянлянь, моя невестка, жена старшего брата; номер 4 – Дун Цюжун, жена моего младшего брата. Остальные три – наши служанки: Таоэр, Синьэр, Чжуэр. Прошу также всех выйти!

Гэ Сянлянь остолбенела. Она – старшая невестка! Она должна быть под номером один, почему она под номером два? Это ошибка или Тун Шаохуа устроил какую-то каверзу? Она обернулась: на занавеске ее двери действительно была цифра «2». Но неважно, что там написано, ее ноги должны были признать лучшими! Она не поверила, что могла проиграть Бай Цзиньбао, но взглянув на нее, изумилась: казалось, Бай Цзиньбао сменила свои ноги на другие. Изящные, нежные, они прятались в паре миниатюрных туфелек салатового цвета с двумя отчетливыми яблоневыми листочками. На носках туфелек мерцали жемчужины, а на листочках словно дрожали, поблескивая, капли росы. Тут она вышла из дома, и шла она совсем по-другому, не так, как обычно. Вышитая шелковая юбка будто плыла по земле, а заостренные мыски туфелек то едва выглядывали из-под юбки, то исчезали, вызывая завистливые взгляды.

Сянлянь поднялась. Выходя из комнаты, она думала, что ее бабочки одержат верх над Бай Цзиньбао и чуть-чуть подтянула юбку на талии, чтобы бабочек было видно, но теперь обе ступни – о, ужас! – открылись

полностью и казались грубыми и неуклюжими, как зубы остроги, которой быют рыбу.

Бай Цзиньбао встала перед всеми и сложив руки, церемонно поклонилась. Ее правой ноги было не видно, на мгновение мелькнула только левая, но и левую никто толком не успел разглядеть, как ни старались.

Сянлянь тоже была сбита с толку. Ступни Бай Цзиньбао ведь были больше, чем у нее, так почему же они кажутся меньше? Не могла же она отрубить себе часть стопы? Обувь ее стала более изысканной, даже подошвы, каблучки, штанины и гетры украшены изысканной вышивкой. Сянлянь в жизни не видела такой дорогой и яркой обуви. Для ее туфелек бабушка купила ей ткань с набивным рисунком и пестрых бабочек за 20 медных монет в галантерейной лавке. Какими жалкими они теперь выглядят!

Ее нищенское происхождение так явно бросалось в глаза, что она совсем пала духом. Всю нижнюю половину тела, от поясицы до пяток словно сковало холодом. Ей хотелось развернуться, убежать в себе в комнату, закрыться, спрятаться ото всех.

Нянька Пань позвала Чжуэр, Синьэр и Таоэр, принесла три бело-синих круглых керамических табурета, поставила их во дворе и пригласила девушек присесть.

Сянлянь хотела было прикрыть свои маленькие ножки юбкой, но поскольку она подтянула юбку вверх, чтобы показать бабочек, пояс был завязан туго, и его сложно было ослабить. Маленькие ножки знай себе торчали на всеобщем обозрении и стали ее позором. Она не смела взглянуть ни на свои ноги, ни на ноги Бай Цзиньбао, и уж тем более не смела смотреть в лицо Бай Цзиньбао. Как, должно быть, сейчас сияет ее лицо!

Тун Жэньань сказал Люй Сяньцину:

– Отшельник, судя по результатам голосования, вы действительно экстраординарны. Взгляните: кто-то из присутствующих сделал одну ошибку в распределении мест, кто-то две, кто-то указал победительницу и призеров в другом порядке, и только Ваше мнение полностью совпало с финальным результатом – и распределение мест, и очередность. Интересно, по каким критериям Вы оценивали «золотые лотосы»?

Люй Сяньцин был несказанно горд услышать похвалу, но не успел он рта раскрыть, как Цяо Шестой опередил его и пошутил:

– Это все те же семь критериев!

Люй Сяньцин один раз уже сел в лужу, пытаясь продемонстрировать свою ученость, на сей раз он не мог опять опростоволоситься, поэтому воодушевленно заговорил:

– «Семь критериев» – это универсальный метод. Для оценки «лотов» нужна градация.

– Какая же градация? Мы бы хотели послушать Ваши наставления, – стал допытываться Тун Жэньань, и они вновь стали меряться силами.

– Нужно сначала рассказать о шести критериях.

– Так это не «семь критериев», а шесть? Вы меня совсем запутали, – сказал с усмешкой Цяо Люцяо, подмигнув окружающим. Он решил повеселиться за счет этого старикана из Шаньси.

Люй Сяньцин был человек бывалый, конечно, он все понял. Он решительно глянул на этих невежд и с серьезным выражением лица ответил:

– Когда послушаешь и поймешь – не будешь путаться. Красота и уродство маленьких ножек заключается в их форме. Когда говорим о форме, имеем в виду форму и внешний вид! Сначала поговорим о форме, потом о внешнем виде.

Форма должна отвечать шести критериям, а именно: стопа должна быть короткая, узкая, тонкая, плоская, прямая и острая. Короткая – значит, вся длина стопы должна быть короткой, а не длинной. Узкая – значит, ширина стопы должна быть узкой, а не широкой. Мысок и пятка должны быть пропорциональны: обычно маленькие ножки спереди худые, а сзади толстые, как свиные копытца, это не красиво. Тонкая – значит сверху донизу вся должна быть тонкой, а не толстой; прямая – здесь речь о пяте, она должна быть ровной, а не скошенной на бок, это видно со спины. Плоская – это о тыльной стороне стопы, она должна быть ровной, не выступающей, еще лучше, если она будет слегка вогнутой. Острая – это о передней части стопы, она должна быть острой, а не притупленной, но только острой быть недостаточно, кончик должен самую малость загигаться вверх, тогда ножка будет иметь пленительный вид. Однако не достойно похвалы, если он задран вверх, как хвост скорпиона или опущен вниз, как крысиный хвост. Вот что говорят о форме ступней.

Он напустил такого тумана в своих рассуждениях, что Сяньань была совершенно сбита с толку. Она и не подозревала, что к маленьким ножкам предъявляют столь серьезные требования. Если их все учитывать, так разве ее ножки – это «золотые лотосы»? Так, два мелких клубня таро, что свисают с лодыжек. Слушая выступление Люй Сяньцина, все присутствующие украдкой бросали взгляды на Тун Жэньаня. Надеялись, что

тяньцзиньский талант снова вытащит из рукава козырь и заткнет за пояс этого пришлого выскочку.

Тун Жэньань держал в руке маленький заварочный чайник; склонив голову на бок и прищурившись, он неторопливо потягивал чай из носика. Непонятно было, есть ли ему что ответить или его приперли к стенке. Он не поддержал разговор, но задал еще один вопрос:

– Сказано о форме, что же насчет внешнего вида?

Люй Сяньцин метнул на него взгляд и подумал про себя: «Что ты там за знаток, не знаю, но я уж не откажу себе в удовольствии тебя прижать».

– По виду «лотосы» делятся на три разряда – высший, средний и низший.

Сянянь вздрогнула: она испугалась, что раз она заняла второе место, то старик отнесет ее к среднему разряду.

– Расскажите сначала о высшем! – оживился купец из Сучжоу.

– Хорошо, расскажу. К высшему разряду золотых лотосов относятся три подвида. Когда ножки забинтованы тонкими и длинными, как молодые побеги бамбука, у нас в Датуне называют их «ломтики огурцов», есть и более изысканное название: «золотые лотосы – головные шпильки». Если ноги забинтованы так, что подошва узкая, тыльная часть ровная и они подобны натянутому луку, их поэтически именуют «однолистные золотые лотосы». Если ножки забинтованы остро и искусно, словно чилим, их изысканно называют «золотые лотосы – водяные орехи». Когда эти три подвида используют высокую деревянную колодку в центре, их называют «золотые лотосы, пронзающие сердце», а когда у них высокий деревянный каблук, их также называют «золотые лотосы на яшмовом пьедестале». Все они превосходны.

– Отшельник, несомненно, что-то оставил в резерве, расскажите поскорей, каков средний разряд! – сказал Цяо Шестой.

– Когда длина ступней четыре или пять *цуней*, выглядят образцово, не проступают сквозь ткань обуви острыми краями, походка не выглядит неуклюжей, их называют «затканые парчой золотые лотосы». Когда ноги округлые, словно гусиная голова, но не полные, и привлекательные, их называют «золотые лотосы – гусиные головы». Когда стопы ровные, но при ходьбе косолапят, их называют «золотые лотосы, склонившие головы друг к другу». Все эти подвиды ножек относятся к среднему разряду.

– Эти названия звучат приятнее, чем названия блюд в ресторане «Цюаньцзюйдэ»³² – со смехом сказал Цяо Шестой.

³² «Цюаньцзюйдэ» 全聚德 – популярная сеть ресторанов, где готовят утку по-пекински.

– Лю Шестой, ты взор собрался тешить или нутро свое ублажить?
– Не перебивай! Отшельник, не позволяйте им встревать в разговор, продолжайте, пожалуйста. Расскажите о «золотых лотосах» низшего разряда.

Люй Сяньцин сказал:

– Сегодня в резиденции семьи Тун нет «золотых лотосов» низшего разряда. Все три госпожи продемонстрировали нам «золотые лотосы» высшего разряда. Случись им поучаствовать в нашем Датунском состязании, я осмелюсь сказать, что они и там вышли бы победителями!

Были ли его слова правдой или ложью, комплиментом или обычной любезностью, но три госпожи встали, чтобы поблагодарить его. Вставая, Бай Цзиньбао случайно зацепила край юбки, и из-под нее показались ее ножки.

Гэ Сяньлянь впилась в них взглядом и чуть не подпрыгнула на месте: действительно, они стали короче как минимум на *цунь*, как такое возможно? Это ей кажется или та использовала магические заклинания?

Люй Сяньцин сказал Тун Жэньяню:

– Хотя я и пристрастился к «золотым лотосам», я отстаю от Вас по меньшей мере на три шага. Только что, как говорится, «размахивал топором перед богом плотников»³³. Но не высмеивайте мое невежество, просто наставьте на путь истинный!

Тун Жэньянь смотрел на него, не зная, что сказать. Последняя реплика свидетельствовала о том, что Люй Сяньцин вновь вызывает его на бой. Немного подумав, он ответил:

– Цинь Цзуюн³⁴ в «Рассуждениях Тунъяня о живописи» делит живопись на четыре категории. Самая высшая – «божественная», затем следует «воспарившая», затем «блестящая», и только потом «умелая». «Умелая» получается легче всего, и это самая легкая категория. «Божественная» получается труднее всего, и это самая трудная категория. Что касается нас, антикваров, при определении подлинности картины смотрят на бумагу, на тушь, на оформление, на автограф, на печати, на валик; это все легко, если как следует все запомнить, глаз становится наметанным. Но есть такие умельцы, что изготавливают подделки, используя бумагу,

³³ «Размахивать топором перед богом плотников» 班门弄斧 (букв. «размахивать топором у ворот Лу Баня») – обр. в знач. соваться со своим мнением перед знатоками; учить рыбу плавать.

³⁴ Цинь Цзуюн 秦祖永 (1825–1884), прозвище Тунъянь 桐阴 (букв. «Тень павловнии») – художник, коллекционер и теоретик живописи. Книга «Рассуждения Тунъяня о живописи» 桐阴论画 издавалась частями с 1866 по 1880 г.

тушь, шелковую или парчовую ткань для оклейки той же эпохи, и даже печати у них подлинные – тогда как быть? Более того, подделки сунской живописи делали не только в последующие эпохи, этим занимались уже в эпоху Сун! Так что обсуждать бумагу, тушь, датировку – это, конечно, неплохо, только какой смысл? На самом деле нужно не сводить глаз с гораздо более важного уровня и определить его – это и значит смотреть на «божественное»! Настоящая живопись есть волшебство, поддельная живопись есть отсутствие волшебства. Откуда берется это волшебство? Например, горный лес обладает животворной энергией горного леса, а на картине ее нет. Но истинный мастер, ощущая энергию горного леса, воссоздаст дух горного леса штрихами туши. Это то, что в сердце, в груди, это волшебство, которое невозможно подделать. Маленькие ножки есть у многих, многие стремятся к совершенству, но все гонятся лишь за формой и видом. Истинно божественных шедевров ...в этом мире...не то, чтобы нет..., это... это... это...

Тун Жэньань вдруг запнулся, глаза его помутились, взгляд стал бес-толковым, жалким и отсутствующим. Сянянь издалека показалось, что с ним случился апоплексический удар.

Люй Сяньцин улыбнулся и сказал:

– Действительно, чудо из чудес!

Он решил, что Тун Жэньаню нечего сказать и тот устраивает балаган.

– Это слово – «волшебство» объяснить нельзя, его можно только постичь как просветление. За всю свою жизнь я видел только одну волшебную пару «золотых лотосов», и больше на этом свете уже... увы! К чему об этом вспоминать!

Присутствующие не понимали, что происходит и не знали, что сказать.

Внезапно в дверь ворвался крупный полный мужчина. Оказалось, что Тун Шаожун, старший из сыновей, вернулся домой и узнал, что сегодня первое место в состязании заняла Бай Цзиньбао, а его жена проиграла.

Взревев «Я зарезу эту вонючую бабу!», он разломал птичью клетку; несколькими красношеими птицам, которых он только что купил, повезло – они выпорхнули на свободу. Он схватил толстую жердь, которой запирали ворота, начал избивать ею Сянянь. Все пытались остановить его, но Дурачок был слишком силен. Цяо Люцяо, Ню Фэнчжан и другие были людьми рафинированными и справиться с ним не смогли. Всем им досталось по несколько ударов, а Ню Фэнчжан поплатился передним зубом. Первый удар жерди пришелся на круглый керамический табурет, на

котором сидела Сянлянь, и тот разбился вдребезги. Тун Жэньань хлопнул ладонью по столу и закричал:

– Уберите эту скотину!

Подбежали слуги, общими усилиями скрутили молодого хозяина, а затем затолкали в дом. Со двора было слышно, как он разбил стол и скамью с криками: «Мне не нужны ее вонючие ноги!»

Гости не смели и пискнуть, кое-как утешили Тун Жэньаня и один за другим потихоньку ускользнули.

Дурачок шумел всю ночь, сорвал с Сянлянь обувь и бинты и выбросил через окно во двор. Даже когда пробили третью стражу, он продолжал непотребно ругаться и орать, чуть не забил Сянлянь до смерти и вышвырнул ее из комнаты.

Растрепанная и босая, она стояла во дворе и рыдала.

Библиографический список

Коробова А.Н. Репрезентация травмы и иллюзия красоты – о повести Фэн Цзицая «Крохотные “золотые лотосы”» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, Т. 69. 2025. № 1. С. 89–112.

Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Изд.2-е, испр. и доп. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1978.

冯骥才：三寸金莲 [Фэн Цзицай. Золотые лотосы длиной три вершка]. – 北京：作家出版社，2004 年。

冯骥才：三寸金莲 [Фэн Цзицай. Золотые лотосы длиной три вершка]. – 成都：四川文艺出版社，1986年。

邱端中：中国妇女缠足考 [Цю Дуаньчжун. Исследование бинтования ног китайскими женщинами] // 内蒙古师大学报，哲学社会科学版，1993年第3期，第35–44页。

References

Korobova A.N. (2025). Reprezentatsiya travmy i illyuziya krasoty – o povesti Fen Tszitsaya «Krokhotnyye “zolytyye lotosy”» [The representation of trauma and the illusion of beauty – about Feng Jicai’s novel “The Tree-Inch Golden Lotus”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13, Vostokovedeniye*, Vol. 69. No 1: 89–112. (In Russian)

Sidikhmenov V. Ya. (1978). Kitay: stranitsy proshlogo. Izd.2-e, ispr. i dop [China: Pages of the Past. The Second edition, revised and supplemented]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izd-va «Nauka». (In Russian)

冯骥才(2004). 三寸金莲 [*Feng Jicai. The Three-Inch Golden Lotus*]. 北京: 作家出版社. (In Chinese)

冯骥才(1986). 三寸金莲 [*Feng Jicai. The Three-Inch Golden Lotus*]. 成都: 四川文艺出版社. (In Chinese)

邱端中 (1993). 中国妇女缠足考 [*Qiu Duanzhong. A study of foot binding by Chinese women*]. 内蒙古师大学报, 哲学社会科学版 [*Bulletin of the Pedagogical University of Inner Mongolia, series "Philosophy and Social Sciences"*], No 3: 35–44. (In Chinese)